

DOI: 10.31862/2500-2953-2019-2-19-27

В.П. Трыков

Московский педагогический государственный университет,
119991 г. Москва, Российская Федерация

Лев Николаевич Толстой в книге Эжена-Мельхиора де Вогюэ «Русский роман»

В статье рассматривается проблема рецепции фигуры Л.Н. Толстого французским литератором Э.-М. де Вогюэ (1848–1910), книга которого «Русский роман» (“Le roman russe”) (1886) никогда полностью не была переведена на русский язык. Показано влияние «неомистицизма» Вогюэ и его трактовки культурной ситуации в Европе конца XIX в. на интерпретацию личности и творчества великого русского писателя, раскрыта неоднозначность и противоречивость той оценки, которую Вогюэ дает мировоззрению Толстого.

Ключевые слова: рецепция, «католическое возрождение», позитивизм, натурализм, переводы, «мистицизм», Л.Н. Толстой, Э.-М. де Вогюэ.

ССЫЛКА НА СТАТЬЮ: Трыков В.П. Лев Николаевич Толстой в книге Эжена-Мельхиора де Вогюэ «Русский роман» // Рема. Rhema. 2019. № 2. С. 19–27.
DOI: 10.31862/2500-2953-2019-2-19-27.

DOI: 10.31862/2500-2953-2019-2-19-27

V. Trykov

Moscow Pedagogical State University
Moscow, 119991, Russian Federation

Lev Nikolaevich Tolstoy in the book “Russian novel” by E.-M. de Vogüé

The article describes a problem of the reception of the shape of Leo Tolstoy by the French writer E.-M. de Vogüé (1848–1910), whose book “Russian Novel” (“Le roman russe”) (1886) never fully been translated into the Russian language,

the influence of “neomisticism” and his interpretation of cultural situation in Europe at the end of the 19th century on the interpretation of the personality and creativity of the great Russian writer, revealed the ambiguity and contradictoriness of the assessment, which gives Vogüé to Tolstoy's worldview.

Key words: reception, “Catholic revival”, positivism, naturalism, translations, “mysticism”, E.-M. de Vogüé, Lev Tolstoy .

CITATION: Trykov V. Lev Nikolaevich Tolstoy in the book “Russian novel” by E.-M. de Vogüé. *Rhema*. 2019. № 2. Pp. 19–27. DOI: 10.31862/2500-2953-2019-2-19-27.

Событием в культурной жизни Франции конца XIX в. стал выход в свет книги французского литератора и дипломата Эжена-Мельхиора де Вогюэ (1848–1910) «Русский роман» (1886). В 1913 г. появился перевод книги на английский язык. К этому времени во Франции она выдержала одиннадцать изданий. П.Д. Боборыкин свою статью-некролог памяти Вогюэ, опубликованную в журнале «Новое слово» в 1910 г., озаглавил «Глашатай русского романа» [Боборыкин, 1910, с. 41]. Под таким же названием почти семьдесят лет спустя, в 1989 г., во Франции прошла научная конференция, посвященная творчеству Вогюэ. Один из ее участников Ефим Эткинд так оценивал роль Вогюэ в ознакомлении французской публики с русской литературой: «Книга “Русский роман” открыла французской публике целый литературный континент; что касается восприятия России, то она сыграла такую же роль, какую в 1810 году сыграла книга Жермены де Сталь “О Германии”. Но и спустя семьдесят пять лет французы открывают для себя Россию благодаря книге Вогюэ» [Etkind, 1989, с. 105]. «Русский роман» будет иметь огромный успех и станет, по мнению Ж.-И. Тадье, чем-то вроде нового «Гения христианства» [Tadié, 1970, p. 129].

Сравнение книги Вогюэ с творением Шатобриана не случайно. Подобно тому как Шатобриан в начале XIX в. пропел гимн христианству как великой религии, преобразившей Европу, Вогюэ в конце этого столетия станет одним из тех, кто стоял у истоков так называемого «католического возрождения» во Франции. Зачинатели этого движения, одним из которых был Вогюэ, полагали, что возрождение живой веры, почти угасшей в сердцах европейцев под влиянием современных доктрин (в частности, позитивизма, сциентизма и эстетизма), – необходимое условие для преодоления духовного кризиса, охватившего Европу. Французский исследователь Жан Кальве, автор книги «Католическое возрождение в современной литературе» (1927) называет Вогюэ одним из двух наиболее влиятельных родоначальников «католического

возрождения», чья «критика современной жизни и нравов вдохновлялась самым чистым и искренним христианством» [Calvet, 1927, p. 136]. Представителей «католического возрождения» объединяла и общность эстетических взглядов. Они считали, что «литературное произведение должно быть не искусственной конструкцией, в основе которой – евангельская риторика, но спонтанным выражением христианской души» [Там же, p. 17].

Книга Вогюэ о русском романе стала важным аргументом в споре с позитивизмом и натурализмом. Задача, которую ставил перед собой Вогюэ, выходила за рамки чисто эстетической полемики с натурализмом. Это был манифест нового сознания, ориентирующегося на возрождение традиционных христианских ценностей, отодвинутых эпохой позитивизма на второй план.

«Русский роман» была первой во Франции книгой о русской литературе, признававшей не только ее оригинальность, но кое в чем и превосходство над французской литературой. В ситуации, когда огромным успехом во Франции пользовался натуралистический роман, а Э. Золя был самым издаваемым французским писателем, Вогюэ предложил Франции в качестве образца современный русский роман.

В русском романе Вогюэ оценил то, чего, с его точки зрения, не доставало роману натуралистическому, – христианский дух сострадания и любви к человеку. Он отмечал, что «человеколюбие (“charité”) более или менее выраженное у Тургенева и Толстого, становится безудержным у Достоевского, превращаясь в болезненную страсть» [Vogüé, 1886, p. XLV].

Виконт де Вогюэ происходил из обедневшей легитимистской семьи. Прибыл в Россию в 1877 г. в качестве секретаря французского посольства с целью подготовки русско-французского альянса. Прожил в России семь лет, женился на русской. Вскоре после возвращения во Францию оставил дипломатическую службу и посвятил себя литературе. Автор романов, пьес, в том числе на русскую тему. Член Французской академии с 1888 г.

Вогюэ не был первооткрывателем Толстого во Франции. Здесь несомненно приоритет принадлежал русским переводчикам-эмигрантам. Первые переводы произведений Л.Н. Толстого появились во Франции еще в середине 1860-х гг. – это были отрывки из «Детства. Отрочества. Юности». Однако настоящий бум пришелся на середину 1880-х гг. В 1885 г. в известном парижском издательстве «Ашетт» вышли «Война и мир» и «Анна Каренина». Заслуга ознакомления французских читателей с самым известным романом Толстого «Война и мир» принадлежала княгине Ирен Паскевич (урожд. Воронцова-Дашкова), ставшей

первой переводчицей романа. Впервые ее перевод романа был опубликован в 1879 г. в Санкт-Петербурге в трех томах. Это издание продавалось в Париже в издательстве «Ашетт». На обороте титула вместо имени переводчицы значился псевдоним “une Russe” («Русская»). Впоследствии Паскевич перевела «Анну Каренину», «Семейное счастье». Ирен Паскевич была одной из самых богатых дам высшего света, прожила долгую жизнь, в старости ослепла, поселилась в скромном жилище в окрестностях роскошного замка, принадлежавшего некогда роду Паскевичей. Умерла в совершенной нищете в 1922 г.

Огромный вклад в популяризацию творчества Толстого во Франции внес переводчик И.Д. Гальперин-Каминский (1858–1936). Он родился в России, завершал образование во Франции и получил французское гражданство в 1890 г. Переводил на русский язык Золя, Доде, Дюма-сына. В 1886 г. вышел сборник «Смерть» с предисловием Гальперина-Каминского, куда вошли рассказ «Три смерти», повесть «Смерть Ивана Ильича» и отрывки из романов «Война и мир» и «Анна Каренина». Эти отрывки были названы переводчиком «Смерть лошади», «Смерть на поле боя», «Смерть князя Андрея», «Смерть Николая Левина». Впоследствии на протяжении всей жизни И.Д. Гальперин-Каминский работал над переводами произведений Толстого на французский язык. В конце жизни поселился недалеко от Парижа, в Кламаре. Его скромное жилище с огромной библиотекой украшали два бюста Л.Н. Толстого.

В 1887 г. вышел сборник «Сцены из русской жизни» с коротким очерком о жизни и творчестве Толстого, написанным Гальпериным-Каминским, и отрывками из «Севастопольских рассказов». В 1888 г. парижский Свободный театр Антуана ставит «Власть тьмы».

Л.Н. Толстой стал входить в фавор у французов незадолго до кончины И.С. Тургенева. Немало для этого сделал сам И.С. Тургенев. В 1880 г. он послал Флоберу перевод на французский «Войны и мира», сделанный Ирен Паскевич и к тому времени опубликованный в России (1879 г.). Флобер познакомился с романом Толстого в первые дни последнего года своей жизни. Показательно, как менялась реакция Флобера на толстовский роман. В письме от 28 декабря 1879 г. Флобер расхваливает семгу, которую ему посылкой прислал Тургенев, и небрежно замечает, «что касается романа Толстого, пусть его доставят моей племяннице», которая должна была передать роман Флоберу [Флобер, 1984, с. 251]. В ответном письме Тургеневу от 30 декабря 1879 г. Флобер пишет, что три тома «Войны и мира» его пугают при его занятости работой, но обещает за них взяться [Там же, с. 252]. В письме Тургеневу от 21 января 1880 г. читаем: «Спасибо, что заставили меня прочитать роман Толстого. Это первоклассно. Какой живописец и какой психолог!

Первые два тома – *грандиозны*; но третий – ужасный спад. Он повторяется, мудрствует. Словом, уже начинаешь видеть самого этого господина, автора, русского, а до тех пор были только Природа и Человечество. Мне кажется, порой в нем есть нечто шекспировское. Читал и временами вскрикивал от восторга, а ведь читать пришлось долго. Расскажите мне об *авторе*. Это первая его книга? Во всяком случае, карты у него *козырные*. Да, это очень сильно, очень» [Флобер, 1984, с. 253–254]. Это было своего рода благословение, которое уже стоящий на краю могилы великий француз дал русскому гению.

Таким образом, читающая Франция и до книги Воюэ уже познакомилась со многим произведениями Толстого. Однако как преемника И.С. Тургенева на русском литературном престоле Толстого стали воспринимать после появления книги Воюэ. В конце 1880-х – начале 1990-х гг. Толстой затмил всех русских писателей в сознании французов. Он был безусловным лидером среди русских писателей по числу переводов и изданий во Франции на рубеже XIX–XX вв. Были изданы не только все его романы, многие повести и пьесы, но и публицистика, «Исповедь», религиозно-философские произведения. Однако публикация полного собрания сочинений Л.Н. Толстого на французском языке, начавшаяся в 1902 г., в 1913 г. была прервана, т.к. издатель был недоволен качеством переводов.

Толстой привлек французов не только как большой художник, но и как мыслитель, как человек, обладавший большим моральным авторитетом. Толстовская идея нравственного совершенствования нашла отклик у многих французских литераторов и читателей эпохи декаданса. Р. Роллан писал в «Жизни Толстого» (1911): «Толстой – великая русская душа, светоч, воссиявший на земле сто лет назад, – озарил юность моего поколения. В душных сумерках угасавшего столетия он стал для нас путеводной звездой; к нему устремлялись наши юные сердца; он был нашим прибежищем. Вместе со всеми – а таких много во Франции, для кого он был больше, чем любимым художником, для кого он был другом, лучшим, а то и единственным, настоящим другом среди всех мастеров европейского искусства, – я хочу воздать его священной памяти дань признательности и любви» [Роллан, 1954, т. 2, с. 219].

В «Русском романе» глава о Толстом заключительная и насчитывает семьдесят страниц. Примерно такого же объема только главы о Тургеневе и Достоевском, остальные – существенно меньше. Следовательно, эти три фигуры – в центре внимания автора. Точное название главы – «Нигилизм и мистицизм. Толстой». То есть Воюэ рассматривает фигуру Толстого в контексте того, что французский литератор считал двумя важнейшими характеристиками русской души. Для Воюэ, католика

и неомистика, представителя «католического возрождения», быть нигилистом – значит быть лишенным всякой веры. Вогюэ, конструируя образ Толстого, описывает духовную эволюцию Толстого как движение от того, что он называет «пантеизмом», «пессимизмом», «нигилизмом» (для Вогюэ это явления взаимосвязанные) раннего Толстого к «мистицизму» зрелого и позднего Толстого. В трактовке Вогюэ Толстой на определенном этапе разуверился в возможностях человеческого разума и «был очарован мистицизмом» [Vogüé, 1886, p. 283].

«Мистицизм» Вогюэ считал «существенным элементом русской души» [Там же, p. 30]. «Мистицизм», в трактовке Вогюэ, – особая душевная настроенность, когда чувство, интуиция, воображение, вера превалируют над разумом. Одновременно это и утверждение доминирующего положения иррационального начала в системе ценностей, и признание чего-то, что выше отдельной личности, некоего условного Бога. Русским свойственен «вкус к абсолютному» (“le goût de l’absolu”), утраченный, как полагал Вогюэ, Западной Европой под воздействием просветительской идеологии с ее культом Разума и самоопределяющейся личности [Там же, p. XIX].

«Мистицизм», по Вогюэ, – исконная и непреходящая особенность «русской души». Нигилизм – ее преходящее состояние, современная и временная болезнь. Толстой интересуется Вогюэ не только как художник, запечатлевший вечное, непреходящее в «русской душе», но и как тонкий аналитик «Новой России», не внемлющей больше призывам Европы к умеренности и рациональности, отдавшей разрушительным крайностям нигилизма. Однако и сама Европа в состоянии кризиса. Русские с их всегдашней склонностью к крайностям лишь отчетливее выразили в нигилизме общий дух эпохи *fin de siècle*, а Толстой лучше всех уловил и передал эти колебания европейской чувствительности, как они проявились в «русской душе». Исходя из сказанного, становится понятным утверждение Вогюэ, что «наш век не породил ничего более интересного, чем произведения Толстого» [Там же, p. 281].

Однако Толстой интересуется Вогюэ не только как «социальный психолог», схвативший существенные сдвиги как в русском, так в европейском сознании рубежа веков, но и как великий художник. «Наш век не породил ничего более значительного в отношении литературных достоинств, чем произведения Толстого», – продолжает Вогюэ [Там же].

В чем же Вогюэ видит величие Толстого-художника? Прежде всего, в удивительном впечатлении правдивости, которое производят его произведения. Этот эффект правдивости – результат писательской техники Толстого. В отличие от Стендаля или Флобера, Толстой не очень

заботился о музыкальности фразы и отточенности формы, считает Вогюэ. Сильная сторона русского гения – умение создать эффект сложности. Что под этим понимает Вогюэ? Во-первых, сложность предмета изображения: в отличие от французских реалистов, Толстой изучал “*les âmes difficiles*” («сложные души»). Во-вторых, эффект сложности создается тончайшим психологическим анализом. В третьих, у Толстого «все связано со всем». Он видит и изображает явления не изолированно, а в сложных взаимосвязях. Он помещает своего героя в разные среды и показывает, как он нравственно и психологически меняется под влиянием той или иной среды. Эта сложность, в понимании Вогюэ, коррелирует и отражение сложности и непредсказуемости «русской души». Давая разбор системы образов «Войны и мира», Вогюэ акцентирует внимание на двух героях: Андрее Болконском и Пьере Безухове, т.к., с его точки зрения, «Толстой отразил в них две стороны своей души и “русской души” в целом, все мысли и противоречия, которые ее терзают» [Vogüé, 1886, p. 307]. Андрей трактуется как воплощение толстовского (и шире русского) нигилизма, а Пьер – «мистицизма», готовности к самопожертвованию ради Абсолюта.

Один из приемов, которые использует Вогюэ, – описание реакции французского читателя на роман Толстого: сначала растерянность от множества персонажей, сюжетных линий, затем некая усталость, почти скука, а затем неожиданная вовлеченность в сложный и многообразный толстовский мир, с которым в финале романа читателю уже жаль расставаться, поскольку автору удалось добиться эффекта правдивости и заставить читателя сжиться, сродниться с судьбами своих героев.

Вогюэ знал о высокой оценке «Войны и мира», высказанной Флобером Тургеневу. Вогюэ упоминает о восклицании Флобера «Но это же Шекспир!». В некотором отношении оценка, которую Вогюэ дает Толстому, сходна с флюберовской. Вогюэ пишет: «Этот писатель, когда он хочет быть только романистом, несомненно, один из величайших художников, свидетельствующих о нашем столетии» [Там же, p. 281]. В этой фразе примечательна оговорка: «когда он хочет быть только романистом». Вогюэ, как и Флобер, высоко оценивая литературное мастерство Толстого, вместе с тем скептически относится к некоторым аспектам толстовского мировоззрения. Как Флобера не убедили историко-философские рассуждения Толстого в третьем томе «Войны и мира», так и Вогюэ оставили равнодушным «опрошенчество» Толстого. Призыв Толстого к естественной жизни в труде на лоне природы Вогюэ оценивает как наивную веру в возможность вернуть человечество

к естественному и безгреховному состоянию. «Толстой увидел только один лик Бога – лик справедливости. Он забыл о другой его ипостаси – стремлении к совершенствованию» [Vogüé, 1886, p. 337]. Вряд ли этот упрек справедлив по отношению к писателю, который всю жизнь стремился к самосовершенствованию и был одержим одной идеей – «как стать вполне хорошим», как и в своем творчестве напряженно размышлял над путями совершенствования общества. Однако пути эти виделись Толстому и Vogüé по-разному. Vogüé хотел вернуть Европу к исконным христианским ценностям, но «малой кровью», не жертвуя при этом благами цивилизации, привычным материальным комфортом и благосостоянием. Толстой был более последовательным и радикальным критиком современного ему буржуазного общества, а главное – предпринял попытку перейти от слов к делу, к осуществлению своего идеала в повседневной жизни.

В завершающих строках главы о Толстом звучит легкая ирония благомыслящего и умудренного европейца-француза над «наивностью» русского гения: «Счастлива Россия, где эти прекрасные химеры, еще живы! Но удивление Запада не может не вызывать то, что эти идеи воскресают под пером великого писателя, несравненного наблюдателя человеческого сердца...» [Там же, p. 339].

Vogüé завершает свой очерк о Толстом рассказом о том, что великий писатель живет в деревне, носит воду и чинит обувь. Vogüé вспоминает о призыве умирающего Тургенева, обращенного к Толстому, – вернуться к литературному творчеству. Очевидно, что к этому призыву готов присоединиться и Vogüé, для которого Толстой – великий художник и наивный мыслитель.

Парадокс состоит в том, что Vogüé неоднократно (в том числе и в «Русском романе») высказывал идею, что национальной чертой русских является разлад между мыслью и действием, им недостает последовательности и цельности. В случае с Толстым перед Vogüé был пример русского, который предпринял попытку обрести цельность. Однако это вызвало скептическую оценку французского литератора. Думается, не случайно шведский исследователь Магнус Роль, автор диссертации о Vogüé, защищенной в 1976 г., называл Vogüé «аристократом, ставшим буржуа» [Röhl, 1976, p. 66]. Буржуазное благомыслие и французский рационализм не позволили неомистику Vogüé по достоинству оценить красоту толстовского жеста, а разрыв между мыслью и действием оказался, вопреки утверждениям Vogüé, не особенностью русских, а одной из характеристик кризисного европейского сознания на рубеже XIX–XX вв.

Библиографический список / References

Боборыкин, 1910 – Боборыкин П.Д. Глашатай русского романа (памяти Мельхиора де Вогюэ) // Новое слово. 1910. № 5. С. 41–42. [Boborykin P.D. Herald Russian novel (memory Melchior de Vogüé). *Novoe slovo*. 1910. No. 5. Pp. 41–42.]

Роллан, 1954 – Роллан Р. Собр. соч.: В 14 т. Т. 2. М., 1954. [Rolland R. Works: In 14 vol. Vol. 2. Moscow, 1954.]

Флобер, 1984 – Флобер Г. О литературе, искусстве, писательском труде. Письма; Статьи. В 2-х т. Т. 2. М., 1984. [Flaubert G. Literature, art, literary work. Letters; Articles: In 2 vol. Vol. 2. Moscow, 1984.]

Calvet, 1927 – Calvet J. Le Renouveau catholique dans la littérature contemporaine. Paris, 1927.

Etkind, 1989 – Etkind E. L'actualité du "Roman russe". *Eugène-Melchior de Vogüé, le héraut du roman russe*. Textes réunis et prés. par Michel Cadot. Paris, 1989. Pp. 105–115.

Röhl, 1976 – Röhl M. "Le Roman russe" de Eugène-Melchior de Vogüé. Étude préliminaire. Stockholm, 1976.

Tadié, 1970 – Tadié J.-Y. Introduction à la vie littéraire du XIX siècle. Paris, 1970.

Vogüé, 1886 – Vogüé E.M. de. Le roman russe. Paris, 1886.

Статья поступила в редакцию 25.10.2018

The article was received on 25.10.2018

Сведения об авторе / About the author

Трыков Валерий Павлович – доктор филологических наук; профессор кафедры всемирной литературы Института филологии, Московский педагогический государственный университет

Trykov Valery P. – Dr. Phil. Hab.; professor at the Department of World Literature of the Institute of Philology, Moscow Pedagogical State University

E-mail: v.trykoff@yandex.ru